

НОВОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ

Медведев призвал совершенствовать целевое обучение в условиях санкций

Технологическая и санкционная блокада России сохранятся на неопределенное время, поэтому система целевого обучения в профильных вузах, которые готовят специалистов в области разработки лекарств, биомедицины и биоинформатики, должна совершенствоваться, считает зампреда Совета РФ Дмитрий Медведев.

«Нужно совершенствовать систему целевого обучения в профильных вузах в рамках федеральных государственных стандартов, более гибко подходить к программам с учетом актуальных запросов рынка и, конечно, расширять систему практической подготовки», — сказал Д. Медведев на заседании межведомственной комиссии Совбеза РФ по вопросам создания национальной системы защиты от новых инфекций. Это, по его словам, позволит подготовить высококвалифицированных специалистов, от которых зависит защита технологического суверенитета страны, «даже в условиях тех санкционных режимов и технологической блокады, которые есть сегодня и, по всей вероятности, сохранятся на неопределенное время».

Медведев отметил, что подготовка квалифицированных кадров в области разработки, испытаний и производства лекарств и медицинских изделий в сфере биомедицины и биоинформатики в современных условиях становится особенно востребованной. Для получения высшего образования по этим специальностям в 75 организациях выделено более 50 тыс. бюджетных мест, и все они заполнены, добавил он.

«Главная задача — приблизить теоретические знания студентов, аспирантов, ординаторов к реальным потребностям, к реальной практике, к тому, чем сейчас занимаются отечественные лаборатории, фармацевтические производства, исследовательские центры, так чтобы не нужно было тратить время на дополнительную переподготовку или на то, как раньше говорили, на то, чтобы забывать все, что учили в университете. Нужно активней привлекать работодателей к учебному процессу», — отметил зампред Совбеза.

РИА Новости

Эксперт объяснила, почему в промышленности РФ сохраняется дефицит кадров

По данным различных кадровых сервисов и порталов, в России растет спрос на высококвалифицированных сотрудников. Об этом заявила доцент базовой кафедры благотворительного фонда поддержки образовательных программ «Капитаны» РЭУ им. Г.В. Плеханова Татьяна Захарова.

«Разрушение и закрытие промышленных предприятий, которое началось в России в перестройку, привело к снижению привлекательности инженерной и рабочей деятельности, что уменьшило желание получать соответствующее образование и впоследствии работать в этой сфере», — сказала Т. Захарова. — Параллельно с этим снижался статус рабочих специальностей, падали доходы и происходил отток кадров из промышленности и производства. Доктрина, направленная на разрушение собственного производства, была основана на тезисах обеспечения государства промышленной продукцией лучшего качества странами Запада, что обернулось зависимостью от внешних поставщиков во многих отраслях производства».

По ее словам, общемировая практика глобализации производства привела к перенесению части производственных процессов за границу и потере собственных производственных мощностей.

«В отдельных отраслях из-за этого некоторые производственные цепочки выпали полностью или почти полностью. Это, с одной стороны, привело к зависимости от зарубежных поставок, борьба с чем ведется в рамках импортозамещения, с другой — подкосило рынок труда в этих областях», — констатировала она.

При этом, как отметила эксперт, в РФ, по данным различных кадровых сервисов и порталов, спрос на высококвалифицированных сотрудников равномерно растет.

«Также отмечают рост заработной платы на промышленных предприятиях. При этом дефицит кадров сохраняется. Это связано в первую очередь с большим разрывом между

подготовкой кадров и реальным производством, — объяснила Т. Захарова. — Второй немаловажный фактор — это престижность профессии. Среди молодежи главной профессией остается менеджер. Также производства располагаются в отдаленных или особых территориях, что обязывает сотрудников терпеть инфраструктурные недостатки, работать вахтовым способом в случае привлечения их издалека.

ИА REGNUM

В чем ошибается высшее образование¹

Современные колледжи и университеты — это не более чем фабрики по выдаче дипломов.

«Независимо от того, может ли образование способствовать развитию и улучшению культуры или нет, но несомненно, может исказить и вызвать ее деградацию. Ибо нет никаких сомнений в том, что в нашем безудержном стремлении обучить всех мы снижаем наши стандарты и все больше и больше отказываемся от изучения тех предметов, с помощью которых передаются основы нашей культуры — той ее части, которая передается через образование; разрушаем наши древние здания, чтобы подготовить землю, на которой варварские кочевники будущего будут разбивать лагерь в своих механизированных караванах».

Т.С. Элиот.

Заметки к определению культуры

Сантехники и проктологи чистят наши трубы. Сантехники просто занимаются более поздним этапом утилизации отходов. Проктологи зарабатывают больше, но сантехники все еще могут прилично зарабатывать на жизнь. И именно на этом сходство между ними двумя заканчивается. В сегодняшней Америке они занимают совершенно разные социальные сферы. Проктологи — это «образованная» элита. Сантехники — это... ну, сантехники. Это парни, которые носят джинсовые комбинезоны, как показано на примере Супер Марио, самого известного сантехника всех времен. Затем у нас есть герой рабочего класса Джо Сантехник, который сделал себе имя, выступая в защиту малого бизнеса во время президентской кампании 2008 г. Вопрос, конечно, в том, почему? Что возвышает проктологов и низводит сантехников

на нижние ступени нашего социального тотемного столба? Оправдано ли это различие? И еще более важный вопрос заключается в том, что это говорит о нас, если мы вообще делаем различие.

Дебаты, в которых мы оказались в проигрыше

Почти столетие назад писатель и журналист Уолтер Липпманн и философ Джон Дьюи вели продолжительную дискуссию в печати на тему пригодности широкой ответственности к демократии. Оба согласились, что многое изменилось с тех дней, когда Отцы-основатели представляли себе джентльменов-фермеров, размышляющих и голосующих по всем важным вопросам дня. Благодаря своему жизненному опыту, что сделало их в значительной степени знакомыми. Экономический рост и индустриализация страны сделали этот опыт, по мнению Липпманна, «в целом слишком большим, слишком сложным и слишком мимолетным для непосредственного знакомства». Прошли те времена «всекомпетентности», когда требовалась демократия, чтобы достичь эффективности, т.е. когда информированные граждане принимали мудрые решения о своем собственном будущем. Решение проблемы, предложенное Липпманном, состояло в том, чтобы заставить политиков получать наказания не от широкой общественности, а от аполитичных экспертов, которые сделали бы «невидимые факты» понятными политикам.

Ответ Дьюи на предложение Липпмана заключался в том, что «[никакое] правительство экспертов, при котором массы не имеют возможности информировать экспертов о своих потребностях, не может быть ничем иным, как олигархией, управляемой в интересах немногих». Демократия должна была основываться на «взятии на себя ответственности» демосом. <...>

Централизованное правительство и многонациональные корпорации доминируют в области экспертного знания, и мы гораздо более склонны передавать наши новости и получать их от глобальных конгломератов социальных сетей, чем от друзей и соседей, которым мы доверяем. В то же время мы сами ввели себе мегадозу предписания Липпмана об управлении экспертами, поэтому предсказание Дьюи о том, что беспристрастность экспертов будет невозможна и что это рецепт олигархии, сбылось.

Чтобы не отвлекаться на политику Covid, я не буду углубляться в то, что для многих является самым ярким недавним примером проблемы, и не буду обсуждать сложный вопрос о том, была ли хорошей идеей позволить себе потратить несколько лет под управлением Big Pharma Энтони Фауча («La Science, c'est Moi»). Более важный момент, как писал Аласдер Макинтайр в книге «После добродетели», заключается в том, что «в социальном мире корпораций и правительств <...> частные предпочтения выдвигаются под при-

¹ Zubatov A. Where Higher Education Went Wrong/Today's colleges and universities are little more than credentialing factories. URL: <https://www.theamericanconservative.com/where-higher-education-went-wrong/> (перевод редакции).

крытием... выводов экспертов». Мы были бессильны на всех уровнях. Крупная фармацевтика, схема медицинского лицензирования АМА и страховая отрасль взяли на себя принятие решений по наиболее важным вопросам жизни и смерти из наших рук. «Главное — не навреди» ушло на второй план. Большинство врачей давно отказались от искусства врачевания ради гораздо более прибыльной практики проталкивания таблеток, в том числе подталкивая нас прямо в пасть эпидемии опиатов. Всегда продвигаемые под прикрытием защиты нас от самих себя, разные схемы лицензирования и аккредитации в юридической отрасли, бухгалтерском учете, образовании и других сферах деятельности создают искусственные монополии, обогащая определенные учебные заведения и профессиональные организации.

Почти во всех сферах жизни одна и та же разделительная линия проводится на песке, а затем укрепляется башнями из слоновой кости, отделяя тех, у кого есть образование, опыт и репутация, от тех, у кого, казалось бы, их нет. <...> Трамп провозгласил, что он «любит малообразованных». Это была большая пощечина всем тем интересам истеблишмента, приверженным этой разделительной линии, посильнее чем любая риторика Берни Сандерса о «классе миллиардеров». Левый популист Кристофер Лаш в середине 1990-х высказался по этому поводу в книге «Восстание элит»:

По словам [редактора New Republic Микки] Кауса [в книге «Конец равенства»], самая серьезная угроза демократии в наше время исходит не столько от неравномерного распределения богатства, сколько от упадка или отказа от общественных институтов, в которых граждане встречаются на равных. ... «Обычное признание профессионалов как отдельного класса» кажется Каусу зловещим событием. Как и их собственное «самодовольное презрение к демографически неполноценным». Я бы добавил, что отчасти проблема заключается в том, что мы потеряли уважение к честному ручному труду. Мы думаем о «творческой» работе как о ряде абстрактных умственных операций, выполняемых в офисе, желательно с помощью компьютеров, а не как о производстве еды, жилья и других предметов первой необходимости.

Восхождение Большого образования (Большой Эд)²

Так было не всегда. На протяжении большей части XIX в. колледж, принося определенный престиж и некоторую ощутимую экономическую выгоду, не считался большинством семей необходимым. После Гражданской войны и особенно с наступлением «золотого века» количество поступающих в университеты начало расти, и еще один всплеск произошел с растущей популярностью студенческой легкой атлетики

и всеми уже знакомыми признаками социального разврата колледжей в 1920-х гг. В то же время медицинские школы и юридические факультеты начали требовать наличия какого-либо колледжа или высшего образования, прежде чем студенты могли начать свое профессиональное обучение. Между 1920 г. и концом Второй мировой войны набор выпускников средних школ в колледжи увеличился с 5 до 15%.

Настоящий бум произошел после принятия в 1944 г. законопроекта G.I. Bill, сделавшего обучение в колледже выгодным для вернувшихся ветеранов. Университетское образование теперь было не только для детей богатой элиты. До Второй мировой войны большинство крупных государственных университетов насчитывало от 3000 до 6000 студентов, в то время как за десятилетия после войны во многих из них количество студентов выросло в 10 раз. Холодная война и особенно шок для системы, который произошел после того, как Советский Союз опередил США в космосе, запустив «Спутник» в 1957 г., побудили президента Эйзенхауэра дать новый импульс образованию и принять законы о его финансировании, такие как Закон об образовании в области национальной обороны (NDEA) 1958 г. Американцы должны были понять, что образование — особенно высшее — является ключом к конкуренции в технологически сложном мире.

То, что поступление в колледж в последующие годы давало возможность избежать призыва во Вьетнам, сделало этот месседж гораздо доступнее. Но когда призыв закончился в 1973 г., а репутация университетов в сознании многих американцев была подмочена их ролью в контркультуре 60-х годов, федеральному правительству пришлось вмешаться, чтобы снова склонить чашу весов в свою сторону. Так, в 1970-х гг. на сцене появилась щедрая финансовая помощь, которая вначале имела форму грантов Pell Grants, а затем все больше переходила в кредиты с низкой процентной ставкой. Такие программы способствовали увеличению числа студентов, одновременно создавая условия для эры стремительного роста стоимости обучения³, при этом конечная стоимость была переложена на плечи налогоплательщиков и будущих абитуриентов.

Большое количество студентов и высокая плата за обучение означали, что университеты превратились в прибыльный бизнес. Наступила эра «большого образования» с его административным раздуванием и выдающейся системой стандартизированного тестирования. Как объясняется в статье из *The Atlantic* в 2018 г.⁴ о стремительно растущей стоимости образования в Америке, по данным ОЭСР, «американские

² Big Ed.

³ Исследования убедительно показывают, что доступность более щедрых кредитов способствовала росту стоимости обучения

⁴ <https://www.theatlantic.com/education/archive/2018/09/why-is-college-so-expensive-in-america/569884/>

колледжи тратят больше на непедagogический персонал, чем на преподавателей, что является перевернутым показателем по сравнению со всеми другими странами».

Премия к зарплате, вызванная инфляцией дипломов

К получению высшего образования нас подталкивали и правительство, и Big Ed, причем эти две институции часто работали в тесном сотрудничестве. И нет никаких сомнений в том, чтобы прислушаться к советам, которые нам давали, и получить высшее образование, как нам все говорили, было мудрой финансовой стратегией. Хотя это верно для менее 36% студентов, которые не заканчивают колледж, или для четверти выпускников колледжей, особенно тех, кто специализируется на таких предметах, как психология, изобразительное искусство, музыка, философия, религия, образование, этнические или гендерные исследования (в отличие от инженерии или компьютерных наук). Тем не менее, в среднем, если еще в 1980 г. окончание колледжа давало 23-процентную прибавку к зарплате по сравнению с окончанием средней школы, то к 2019 г. эта цифра выросла до 77%.

Однако более важный и интересный вопрос заключается в том, действительно ли эта огромная надбавка к заработной плате обусловлена чем-то похожим на 77-процентное преимущество в навыках, переносимых на рабочее место. Многие независимые факторы указывают на то, что ответ отрицательный. Только 46% выпускников колледжей работают по специальности, 29% – работают в другой области, а 16% – находятся в трудоспособном возрасте, но не имеют работы. Исследование социологов Ричарда Арума и Йосипа Роксы, проведенное в 2011 г., показало, что 45% студентов не показывают значительного улучшения в учебе в первые два года обучения в колледже, а 36% студентов не показывают значительного улучшения в течение всего обучения, при этом даже те, кто улучшает свои результаты, делают это очень скромно.

Чтобы развеять любые подозрения в том, что реальная польза от высшего образования сосредоточена на самом верху, т.е. в элитных университетах, исследование, проведенное в 2020 г. среди 28 339 выпускников 294 университетов, показало, что, несмотря на значительно более высокие зарплаты выпускников элитных учебных заведений, на каждую 1000-ю позицию в рейтинге университетов сопутствующее падение в результатах работы составляет мизерные 1,9%. Более того, даже это незначительное преимущество в общей производительности труда выпускников элитных вузов достигается за счет существенных затрат, причем не тех, которые легко измерить в долларах и центах. Говоря нам то, что мы уже знаем, авторы объясняют, что «выпускники лучших университетов, как правило, менее дружелюбны, более склонны к конфликтам и с меньшей вероятностью

идентифицируют себя со своей командой». Хотя эти данные и не являются окончательным доказательством чего-либо, они убедительно свидетельствуют о том, что высшее образование не дает нам рыночных навыков – или, на самом деле, вообще ничего, и уж точно не то, что должно привести к повышению зарплаты на 77%.

Таким образом, премия к заработной плате, скорее всего, выплачивается выпускникам колледжей по какой-то другой причине, а не из-за навыков, полученных ими в колледже. Некоторое независимое подтверждение этой гипотезы можно получить, просто вспомнив свой собственный опыт, если вы выпускник колледжа. Большинство из нас, к лучшему это или к худшему, не потратили свои студенческие годы на обучение чему-либо ориентированному на трудоустройство. Если вы не были специалистом в области компьютерных наук и не работали в сфере информационных технологий, вы, скорее всего, провели время в колледже, занимаясь своими увлечениями, изучая то одно, то другое или посещая занятия, которые были направлены на «практическую» специализацию, но все же не давали вам навыков, необходимых для рынка. Правда заключается в том, что, если вы не учились в техникуме, профессиональном училище или аспирантуре для получения профессиональной подготовки (и даже тогда я могу засвидетельствовать, что большинство адвокатов изучают не более 5% того, что им нужно знать в юридической школе), более чем вероятно, что вы приобрели необходимые навыки в первые годы работы.

Итак, почему премия за колледж? Самое очевидное объяснение заключается в том, что колледж стал выполнять функцию «привратника» в нашей экономической жизни. Если вы занимаетесь на любую профессию, требующую интеллекта и ответственности, тот факт, что кто-то поступил в колледж и дошел до конца, будет свидетельствовать о наличии этих качеств. Если ваш соискатель окончил лучший университет, тем лучше.

Проведенный в 2017 г. социологами из Гарварда опрос⁵ 600 работодателей показал, что 61% из них регулярно отбрасывают резюме без дипломов четырехлетних вузов, даже если соискатели соответствуют требованиям должности, и даже несмотря на то, что 63% респондентов испытывают проблемы с заполнением вакансий средней квалификации, т.е. таких должностей, как менеджер в сфере общественного питания, воспитатель, руководитель производства, строительства или розничной торговли. Более того, они делали это, несмотря на то что им приходилось платить премию от 11 до 30% за работников с высшим образованием, не получая взамен никакого «материального повышения производи-

⁵ <https://www.hbs.edu/managing-the-future-of-work/Documents/dismissed-by-degrees.pdf>

тельности». Вследствие растущей фиксации работодателей на степени, когда предложение выпускников колледжей на рынке труда росло, а предложение хорошо оплачиваемых рабочих мест становилось все более ориентированным на выпускников колледжей, мы наблюдали, как и следовало ожидать, формирование все более резкой разделительной линии между выпускниками колледжей и «морлоками» из низшей касты, работающими в траншеях.

Создавая касты, служа двум господам и не угождая ни одному

Приносит ли создание этой резкой разделительной линии между примерно 40% нас, окончивших колледж, и большинством тех, кто его не окончил — особенно когда она не связана со значимыми различиями в навыках или эрудиции — какое-либо позитивное социальное благо? Вопрос риторический, но он также эмпирический. В 1950-х гг. выдающийся социолог из Беркли Роберт Нисбет уже писал о «растущей популярности университетского образования как средства не столько для просвещения, сколько для достижения социального статуса и интеллектуальной уверенности». Существуют весомые доказательства того, что университетское образование сегодня делает нас более уверенными в себе и более нетерпимыми к другим, склонными приписывать им крайние позиции, которых они не придерживаются. Как пишет историк Адам Гарфинкль, эти поверхностно образованные приспешники «высказывают скудные мнения о вещах, которые они на самом деле не понимают, подтверждая старую истину о том, что немного знаний может быть опасной вещью». Исследование, проведенное в 2019 г. компанией PredictWise, специализирующейся на опросах и аналитике и приглашенной изданием *The Atlantic* для анализа предрассудков, показало, что высокий уровень образования сильно коррелирует с политической нетерпимостью к тем, кто придерживается иных взглядов.

Исследование проекта «Больше общего», проведенное в 2019 г., аналогичным образом показало, что «чем более образован человек, тем сильнее у него разрыв в восприятии» — его искаженное представление и склонность приписывать крайние позиции тем, кто находится на «другой стороне». Интересно однако, что в ходе исследования выяснилось, что эту ошибку совершают только образованные демократы: «Понимание демократами республиканцев фактически ухудшается с каждой дополнительной полученной ими степенью. Этот эффект настолько силен, что демократы без диплома о среднем образовании в три раза точнее, чем демократы с высшим образованием». Причина? Монокультурное групповое мышление: «Высокообразованные демократы чаще других говорят, что “большинство их друзей” разделяют их политические убеждения». Даже то, что более

образованные люди, как правило, больше ориентированы на СМИ (особенно когда речь идет о потреблении более «глубокого» освещения событий), на самом деле это может только усугубить существующие предубеждения в нашем современном поляризованном медийном ландшафте. Более того: «Мы обнаружили, что чем больше новостей потребляли люди, тем больше был их разрыв в восприятии».

Почему американское высшее образование стало таким жалким провалом? Наша система высшего образования одновременно и сбивчиво преследует две совершенно разные цели и поэтому не достигает ни одной из них особенно хорошо. С одной стороны, оно должно подготовить нас к рынку труда, вооружив нас практическими навыками, а с другой — должно превратить нас в мужчин и женщин эпохи Возрождения, которые глубже понимают наш мир. Но самая популярная специальность в колледже сегодня — «бизнес» — бессмысленная специальность, которая никого не обучает в широком смысле и не готовит к чему-то конкретному в узком смысле будничного мира. Кристофер Лэш заметил, что большинство студентов колледжей «не получают письменной подготовки (если только “коммерческий английский” не является приемлемой заменой), редко читают книги и заканчивают учебу, не знакомясь с историей, философией или литературой».

Реальность такова, что цель чистой подготовки на рабочем месте, как я уже предположил выше, может быть достигнута гораздо более непосредственно и эффективно техническими и профессиональными школами, которые более распространены для начинающих профессионалов в Европе. Мозговой центр компании Google, один из элитных работодателей страны, недавно понял это и перешел на совершенно другой уровень — компания открыла бесплатный курс на портале Coursera, не требующий получения степени колледжа, для обучения точным навыкам, необходимым на рабочем месте. Google оценивает своих начинающих инженеров на основе их курсовой работы.

Что касается другой цели американских университетов и их традиционной функции превращения нас в более образованные личности, то нужна идеальная программа для достижения этой цели, но которая, к сожалению, почти полностью отсутствует в наших университетах сегодня. Это программа, подобная программе в колледже Святого Иоанна (Сент-Джонс колледж)⁶, которая не предлагает специальностей и курсов в стиле «выбери свое собственное приключение» для наивных детей, обычно не имеющих ни малейшего представления о том, что стоит или не стоит изучать. Сент-Джонс колледж предлагает единую учебную программу «Великие книги», где учащиеся систематически

⁶ <https://www.sjc.edu/academic-programs/undergraduate>

продвигаются в течение четырех лет обучения по лучшим, наиболее важным и каноническим текстам, которые предлагает Запад, и в процессе составляют сплоченное академическое сообщество, способное участвовать в интенсивных обсуждениях текстов, которые все читают. Студенты не выходят из такой программы готовыми бухгалтерами, медсестрами или инженерами, но они становятся гораздо более сознательными людьми, понимающими на более глубоком уровне, чем большинство из нас, кто мы и откуда пришли.

Таким образом, хотя наши университеты не делают нас ни более продуктивными, ни более просвещенными, мы продолжаем говорить так, как если бы рекламировали высшее образование, будто оно делает и то, и другое. Поскольку образование в широком смысле является несомненным общественным благом, мы упорно пропагандируем предубеждение, что люди с высшим образованием в каком-то важном отношении лучше, чем остальные, даже если нынешнее состояние наших университетов не предлагает нам прочной основы. Есть повод в это поверить.

Действительно, как мы видели выше, у нас есть основания полагать, что высшее образование фактически создает класс богатых, нетерпимых, фанатичных и невежественных снобов. Большинство проктологов, как и большинство «образованных» белых воротничков, как правило, глубоко невежественны во всех вопросах, выходящих за рамки их узкой области. Проктолог знает о человеческом теле то, чего не знает сантехник. Такова степень его просветления.

Помимо того, что выпускники становятся значительно богаче (часто неоправданно), главный подвиг, который сегодня совершает высшее образование, — это создание каст. Выпускники престижных колледжей стоят выше всех своих браминов, верховных жрецов академии и сельских священников, укомплектованных ими школ, хотя по иронии судьбы являются одними из наименее способных и квалифицированных и одними из самых идеологически безразличных профессионалов в Америке. Ступенькой ниже стоят кшатрии, наши аристократы — выпускники профессиональных училищ, врачи и юристы, пользующиеся уважением и солидными зарплатами. Далее идут вайшьи, наши купцы и ремесленники — обычные выпускники колледжей. Наконец, у нас есть шудры, слуги и чернорабочие, не получившие высшего образования, которые становятся неприкасаемыми далитами, достойными сожаления, если осмеливаются позволить своим политическим взглядам принять правый популистский поворот.

Воспитание партизан

Сантехник и проктолог в здоровом мире были бы просто разными техниками, одному из которых просто нужно знать больше фактов, чтобы выполнять свою работу, и поэтому он получает несколько более высокую зарплату, чем другой.

Эти люди живут во все более различных мирах не потому, что они по своей сути принадлежат к совершенно различным социокультурным слоям, а потому, что наше общество оставило их искусственно расслоенными. Поскольку люди с высшим образованием и без образования все больше и больше расходятся по разным мирам, а партия, которая раньше поддерживала рабочее движение и рабочий класс, развила глубокое презрение к рабочему классу, который, в свою очередь, подавляющим большинством голосует сегодня за республиканцев.

Когда университеты стали монокультурными, их выпускники стали представлять ту же самую монокультуру. В период с 2000 по 2020 г. избиратели с высшим образованием перешли от поддержки республиканцев с перевесом в 11 пунктов к поддержке демократов с перевесом в 13 пунктов. И, как и следовало ожидать, поскольку наша элита с высшим образованием занимала все более насмешливую позицию по отношению к республиканцам, республиканцы ответили тем же, с еще более мрачным взглядом на высшее образование — явление, которое, несомненно, усугубит межпартийный разрыв в образовании. Если «прощение кредита» президентом Байденом — еще один пример откровенного презрения демократической элиты к рабочему классу, влекущий за собой массивный регрессивный налог, переводящий богатство от непропорционально более бедных людей, не имеющих высшего образования, к людям с высшим образованием, включая тех, кто зарабатывает до 125 000 долларов, — должно пройти юридические процедуры, то «образованные» и менее «образованные» станут еще более поляризованными.

Элиты неизбежны. С древнейших времен до современности, от абсолютных монархий до коммунистических государств и всего, что между ними, за всю историю человечества еще не было создано большого сложного общества, в котором не возник бы класс социокультурных элит. Общество здорово — и я утверждаю, что общество практически с любой формой правления может быть здоровым или больным, — когда, прежде всего, отношения между его обычными людьми и элитой органичны и симбиотичны. Это происходит, когда, с одной стороны, элита является «образом простолюдинов» в широком смысле, представляя простолюдинов, их потребности и желания перед королями и богами, одновременно служа образцами добродетели, передавая обычным людям систему культурных «моральных требований». Простолюдины, с другой стороны, в идеале должны восхищаться и уважать элиты, даже если они требуют от них отчета и наполнять элитарную культуру повседневной жизненной силой и динамизмом.

Но возникает большая проблема, когда мы отправляем в колледж так много людей, которые затем заканчивают

обучение, считая себя «элитой». Это то, что ученый Питер Турчин назвал «элитным перепроизводством», – положение дел, при котором большинство из нас претендует на статус элиты и ее привилегии. И это больше, чем общество может разумно приспособить, что, в свою очередь, создает социальную нестабильность, когда эти претенденты остаются в стороне и неизбежно обижаются, начиная сомневаться в самих основах культуры, которая сделала их такими, какие они есть. «Элитное перепроизводство» – не единственный способ заболеть здоровому обществу, но верный путь к тому. В больном обществе элита представляет собой отдельный класс людей в духе Уолтера Липпмана, заметно отличающихся своими убеждениями и желаниями от простолюдинов и с презрением смотрящих на обычных людей. Вместо того, чтобы моделировать манеры, добродетель и почитание возвышенных культурных традиций, элиты становятся самовлюбленными, ленивыми и мягкими, мало требуют от себя, ведут и пропагандируют развратный образ жизни, разыгрывая свое бессознательное, но заслуженное отвращение к себе, моделируя невежество и презрение к монументальным культурным достижениям и традициям, из которых они и все их общество черпают кровь.

Исправление в колледже: к настоящему образованию

Как мы можем вылечить наше больное общество? Процесс будет долгим и трудоемким, но я считаю, что первым важным шагом станет признание того, что наша запутанная и ошибочная система образования создала этот ядовитый разрыв. Мы должны начать с отделения истинного образования от простой подготовки к карьере. Как показывают опросы, «почти все студенты говорят, что доступ к хорошо оплачиваемой работе является основной причиной поступления в колледж». Эти люди не заинтересованы в образовании как таковом и не стремятся получить его в колледже. Давайте сделаем их истинные интересы и их настоящие достижения прозрачными как для них, так и для всех остальных.

Точно так же, как сантехники регулярно находят программу обучения, чтобы получить квалификацию для получения лицензии, проктологи должны иметь возможность не хвастаться «образованием в колледже», которое вводит их и нас в заблуждение, заставляя думать, что они представляют высший вид существ, а посещать курсы медицинского

обучения по программе, хотя и несколько длиннее, чем эквивалент в сантехнике, чтобы получить лицензию на свою работу. И то же самое верно для всех тех других профессионалов – юристов, инвестиционных банкиров, бухгалтеров, консультантов по менеджменту, специалистов по маркетингу, программистов и др., которые в настоящее время считают себя «элитой».

Образование – это не просто профессиональная подготовка. Это скорее, как заметил Т.С. Элиот, «...процесс, посредством которого сообщество стремится открыть свою жизнь всем входящим в него индивидуумам и дать им возможность принять в ней участие. Оно пытается передать им свою культуру, в том числе стандарты, по которым они должны жить». Этот процесс – в идеале продолжающийся всю жизнь и осуществляемый обществом в целом – формально начинается в школах. Но для тех, кто действительно заинтересован в продолжении своего формального образования после окончания учебы, должны существовать несколько университетов, которые реально служат этой цели.

Университеты будущего должны быть больше похожи на семинарии – строгие и требовательные, гораздо более скромные, чем наши нынешние университеты, по своим средствам, но стремящиеся к более высоким конечным целям. Не должно быть ни специальностей, ни меню с вариантами курсов, ни эмблем, ни организованных спортивных состязаний, ни шикарных студенческих центров. Университеты должны быть привлекательны для тех, кто наслаждается монашеским существованием и монашеской общиной, полностью и исключительно посвященной изучению «лучшего, что было задумано и сказано в мире». Некоторые могут выбрать остаться на много лет или на всю жизнь. Другие могут насытиться и отважиться вернуться, чтобы посвятить себя распространению этого священного знания по всему миру. В конце концов, такие монахи-ученые, как святые среди нас, могли бы восстановить в обществе жизненно важное место образования, чтобы оно перестало быть дорогим товаром, отделяющим имущих от неимущих, а скорее стало путеводной звездой, направляющей всех нас.

Александр Зубатов,
практикующий юрист, писатель, публицист
Нью-Йорке, штат Нью-Йорк, США